

Українскій філософъ Григорій Саввичъ Сковорода¹⁾.

ГЛАВА 1-я.

Ученіе Сковороды, по основнымъ чертамъ своимъ, должно быть названо *идеалистическимъ*. Хотя самъ Сковорода и училъ, что Царствіе Божіе, которое онъ проповѣдывалъ, не трудно, но на дѣлѣ достигъ его было, конечно, очень не легко; для этого человѣку нужно было по возможности отрѣшиться отъ житейскихъ интересовъ и поставить главною цѣлью своей жизни внутреннее усовершенствованіе. Но чѣмъ большихъ жертвъ требовало оно отъ человѣка съ житейской, практической точки зрѣнія, тѣмъ больше и давало ему самага важнаго въ жизни—счастія. Высшее же счастье состояло въ полной побѣдѣ духа, дававшей и полный душевный миръ. Но являлся вопросъ, возможно ли было осуществить въ жизни эти *самыя высшія* требованія нравственнаго идеала Сковороды; являлась необходимость живого личнаго примѣра, который бы доказалъ возможность осуществленія его на дѣлѣ. И эту миссію принялъ на себя самъ Сковорода. Такимъ образомъ, въ немъ мы видимъ довольно рѣдкій примѣръ полнѣйшей гармоніи между ученіемъ и жизнью; онъ жилъ такъ, какъ училъ, и училъ такъ, какъ жилъ. И это обстоятельство приобрѣтаетъ особую важность, во 1-хъ, въ силу высокихъ требованій его нравственнаго идеала, а во 2-хъ, вслѣдствіе того, что Сковорода *сознательно, по принципу*, съ полнымъ убѣжденіемъ, избралъ себѣ свой путь жизни и шелъ по

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1895 г., № 2.

немъ до конца, до самой своей смерти, не сворачивая ни направо, ни налево, и даже умеръ такъ, какъ долженъ былъ умереть человѣкъ съ его взглядами на смерть. При своемъ широкомъ образованіи, умѣ, краснорѣчии, онъ, какъ извѣстно, выбралъ себѣ самое низкое званіе—нищаго странника, но сдѣлалъ это не въ силу необходимости: наоборотъ, его таланты открывали ему возможность достиженія самыхъ высокихъ степеней, особенно въ духовной іерархіи,—а совершенно сознательно, желая такимъ образомъ сохранить внутреннюю свободу и быть учителемъ всего народа въ широкомъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. „Духъ его отдалялъ, говоритъ біографъ Ковалинскій, отъ всякихъ привязанностей и, дѣлая его пришельцемъ, присельникомъ, странникомъ, выдѣлывалъ въ немъ сердце гражданина всемірнаго, который, не имѣя родства, стяжаній, угла, гдѣ главу преклонити, сторицею больше вкушаетъ удовольствій природы, простыхъ, невинныхъ, беззаботныхъ, истинныхъ, почерпаемыхъ умомъ чистымъ и духомъ несмущеннымъ въ сокровищахъ Вѣчнаго“ (1-е отд. стр. 5—6). Извѣстно, что много разъ Сковородѣ дѣлали весьма заманчивыя съ точки зрѣнія житейской предложенія: убѣждали его принять монашество, которое доставило бы ему вполнѣ обеспеченное положеніе, честь и славу; губернаторъ Щербининъ представлялъ ему на выборъ любое занятіе—но онъ опять отказался. „Милостивый Государь!—отвѣтилъ онъ ему—свѣтъ подобенъ театру; чтобы представить на театрѣ игру съ успѣхомъ и похвалою, берутъ роли по способностямъ, дѣйствующее лицо на театрѣ не по знатности роли, но за удачность игры вообще похваляется. Я долго разсуждалъ о семъ и по многому испытаніи себя увидѣлъ, что я не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ низкаго, простого, безпечнаго, уединеннаго: я сію роль выбралъ, взялъ и доволенъ... Еслибы я почувствовалъ сегодня, что могу безъ робости рубить турковъ, то съ сего же дня привязалъ бы я гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. Трудъ при врожденной склонности есть удовольствіе“ (1-е отд., стр. 22). Самъ Ковалинскій дѣлаетъ по этому поводу еще нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній, указывая, что Сковородѣ пришлось выдер-

жать здѣсь нѣкоторую внутреннюю борьбу. „Лѣта, дарованія душевныя, склонности природныя, житейскія звали его попеременно къ принятію какого либо состоянія жизни. Суетность и многозаботливость свѣтская представлялась ему моремъ, обуреваемымъ безпрестанно волнами житейскими и никогда плывущаго къ пристани душевнаго спокойствія не доставляющимъ. Въ монашествѣ, удалявшемся отъ начала своего, видѣлъ онъ мрачное гнѣздо спершихся страстей, за неимѣніемъ исхода себѣ, задушающихъ бытіе смертоносно и жалостно. Брачное состояніе, сколько ни одобрительно природою, но не пріятствовало безпечному его нраву. Не тѣша себя ни на какое состояніе, положилъ онъ твердо на сердцѣ своемъ снабдить свою жизнь воздержаніемъ, малодовольствомъ, цѣломудріемъ, смиреніемъ, трудолюбіемъ, терпѣніемъ, благодушествомъ, простотою нравовъ, чистосердечіемъ, оставить всѣ искательства суетныя, всѣ попеченія любостыжанія, всѣ трудности излишества. Такое самоотверженіе сближало его благоуспѣшно къ любомудрію“ (1-е отд., стр. 6—7). И если мы припомнимъ ученіе Сковороды о счастья, то увидимъ, что онъ шелъ по тому пути, который указывалъ другимъ, взявъ на себя роль какъ бы праведника и руководителя болѣе слабыхъ. Онъ не разъ при этомъ сознавался, что нашель на этомъ пути то, чего искалъ, т. е. счастье, хотя многіе склонны были считать его жизнь преисполненной всяческихъ бѣдствій и страданій. „Признаюсь, друзи мои, предъ Богомъ и предъ вами, пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ трактатовъ, что въ самую сію минуту, въ которую съ вами бесѣдную, брошу нынѣшнее мое счастье, хотя въ немъ состарѣлся, и стану послѣднѣйшимъ горшечникомъ, какъ только почувствую, что доселѣ находился въ немъ безъ природы, имѣя сродность къ скудельничеству. Повѣрьте, что съ Богомъ будетъ мнѣ во сто разъ и веселѣе, и удачнѣе лѣпить одни глиняныя сковороды (намекъ на свою фамилію), нежели писать безъ натуры. Но доселѣ чувствую, что удерживаетъ меня въ семъ состояніи вѣтлѣнная рука Вѣчнаго. Лобызаю оную и ей послѣдую. Презираю всѣхъ постороннихъ совѣтниковъ безсовѣтіе. И если бы я ихъ слушаль, давно бы сдѣлался врагомъ Господеви моему. А

нынѣ рабъ Его есмь“ (2-е отд., стр. 119—120). Нѣкоторые (въ родѣ губернатора Щербинина) пускали въ ходъ доброжелательные совѣты; другіе же прямо осуждали ту жизнь, какую вель Скворода (говорили, что онъ ничего не дѣлаеть и т. п.). И вотъ для опроверженія ихъ онъ выступаетъ съ двумя письмами, гдѣ развиваетъ свою теорію „недѣланія“, состоящую въ безпрерывномъ умственномъ трудѣ и внутренней работѣ сердца. „Мнози глаголють, пишетъ онъ Ковалинскому, что ли дѣлаеть въ жизни Скворода? Чѣмъ забавляется? Азъ же о Господѣ радуюся. Веселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ. Забава, (увеселеніе) римски *oblectatio*, еллински діатриба, словенски глумъ или глумленіе есть коріва и верхъ и цвѣтъ, и зерно человѣческія жизни. Она есть центръ каждыя жизни. Всѣ дѣла коеяжды жизни сюда текутъ, будто стебліе преобразуясь въ зерно. Суть нѣкіе безъ центра живущіи, будто безъ гавани плывущіи. А я о растлѣнныхъ не бесѣдую. Своя коемуждо вѣдь забава мила. Азъ же поглумлюся въ заповѣдяхъ Вѣчнаго. Ты вѣси, яко люблю Его и яко онъ возлюбилъ мя есть. Речеши, како 10 заповѣдей довлѣютъ въ долгодѣтную забаву! Тфу! Аще бы и сугубый Маусаиловъ вѣкъ, и тогда довлѣютъ. Ахъ! все омерзѣніемъ и во омерзѣніе исходитъ развѣ святыни. Ахъ! Не всуе Давидъ: *дивна* (де) *свидѣнія твоя*. Все предваряють, все печатлѣють, всякой кончины суть концомъ и останкомъ безъ мерзости. Вѣчная мати святыня кормить мою страсть. Я во вѣки буду съ нею, а она со мною. Вся бо преходять, любезная же любовь—ни! Кратко рещи, се есть діатриба и типикъ моей жизни. (2-е отд., стр. 46).

Въ письмѣ къ какому-то Артему Дорофеевичу Скворода еще подробнѣе развиваетъ эту теорію (1779 г.). „Недавно нѣкто о мнѣ спрашивалъ, пишетъ онъ: скажите мнѣ—что онъ тамъ (въ пустынѣ) дѣлаеть?“ Если бы я въ пустынѣ отъ тѣлесныхъ болѣзней лѣчился, или оберегалъ пчелы, или портняжилъ, или ловилъ звѣря, тогда бы Скворода казался имъ занятъ дѣломъ. А безъ сего думаютъ, что я празденъ и не безъ причины удивляются. Правда, что праздность тяжелѣе горъ Кавказскихъ. Такъ только ли развѣ всего дѣла для человѣка, продавать, покупать, жениться, посягать, воеваться, тягать-

ся, портняжить, строиться, ловить звѣря? Здѣсь ли наше сердце necessarily всегда?.. Такъ вотъ же сейчасъ видна бѣдности нашей причина, что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени выкинуть внутрь себя, очистить и поврачевать самую госпожу тѣла нашего, душу нашу. Забыли мы самихъ себя, за неключимымъ рабомъ нашимъ, невѣрнымъ тѣлишкомъ, день и ночь о немъ одномъ пекущемся. Похожи на щоголя, пекущагося о сапогѣ, не о ногѣ, о красныхъ углахъ, не о пирогахъ, о золотыхъ кошелькахъ, не о деньгахъ. Колика жъ намъ отсюда тщета и трата? Не всѣмъ ли мы изобильны? Точно всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ; совсѣмъ телѣга, по пословицѣ, кромѣ коліосъ, одной только души нашей не имѣемъ. Есть, правда, въ насъ и душа, но такова, каковыя у шкорбутика или подагрика ноги или матрозскій алтына не стоящій козырекъ. Она въ насъ разслаблена, грустна, нравна, боязлива, завистлива, жадная, ничѣмъ не довольна, сама на себя гнѣвна, тощая, блѣдная, точно такая, какъ паціентъ изъ лазарета. Такая душа если въ бархатъ одѣлась, не гробъ ли ей бархатный? Если въ свѣтлыхъ чертогахъ пируетъ, не адъ ли ей?.. Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ. О семъ послѣднемъ ангельскомъ хлѣбѣ день и ночь печется Сковорода. Онъ любитъ сей родъ блиновъ паче всего. Даль бы по одному блину и всему Израилю, если бы былъ Давидомъ, какъ пишется въ книгахъ царствъ, но и для себе скудно. Вотъ что онъ дѣлаетъ въ пустынѣ¹⁾“. Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь о внутренней работѣ сердца, о такомъ самопознаніи, какому училъ въ своихъ трактатахъ Сковорода. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ въ письмѣ къ Ковалинскому Сковорода пишетъ: „Не орю убо, ни сѣю, ни куплю дѣю, ни воинствую, отвергаю же всякую житейскую печаль. Что убо дѣю? Се что! *Всегда благословяще Господа, поемъ Воскресеніе ею.* Далѣе объяснивъ, что Воскресеніе—это Библия, Сковорода продолжаетъ: „тамо и самъ я покоюся, наслаждаюся, веселюся. Пою съ Марономъ: Deus nobis haec otia fecit—Богъ нашъ сіе

¹⁾ Рук. бж—и Имп. Харьк. Университета.

празднество дароваль... (2-е отд., стр. 193). Сковорода такъ стремился къ внутреннему созерцанію и самопознанію, до такой степени отвлекался отъ всего земного и погружался въ духовное, что приходилъ въ состояніе глубокой радости, когда начиналъ говорить объ избранномъ имъ пути жизни. „Бесѣда двое“ заканчивается такимъ именно сильнымъ лирическимъ заключеніемъ; это—радостная пѣснь души, страстно искавшей правды и нашедшей паконецъ высокую цѣль своего существованія. „Прощайте на вѣки дурномудрыя дѣвы, сладкогласныя сирены, съ вашими тлѣнными очами, съ вашею старѣющеюся младостью, съ младенческимъ вашимъ долголѣтіемъ и съ вашего рыданія исполненною гаванью. Пойте ваши пѣсни людямъ вашего рода! Не прикасается Израиль гергесеямъ. Свои ему поютъ пророки. Самъ Господь ему яко левъ возреветъ и яко вихрь духа возсвищеть въ крылехъ своихъ и ужаснутся чади водъ... Радуйся кефо моя, Петре мой, гавань моя, гавань вѣры, любви и надежды! Вѣмъ ты, яко не плоть и кровь, но свыше рожденъ еси. Ты мнѣ отверзаеши врата во блаженное царство свѣтлыя страны. Пятьдесятое лѣто плаваю по морю сему и сего достигохъ ко пристанищу тихому въ землю святую, юже открылъ Господь Богъ мой. Радуйся градо-мати! Цѣлую ты, престоле любезныя страны, не имущія на путехъ своихъ бѣдности и сокрушенія, печали и воздыханія. Се тебѣ приношу благій даръ отъ твоихъ же вертоградовъ—кошницу гроздія и смоквей и орѣховъ, со хлѣбомъ Пасхи, въ свидѣтельство, яко путемъ праотцевъ моихъ ввійдохъ въ обѣтованную землю“ (2-е отд., стр. 80).

Извѣстно, что Сковорода остановилъ свой выборъ на страннической жизни, совершенно свободной отъ какихъ бы то ни было обязательствъ, только по оставленіи харьковскаго коллегіума въ 1766 году, когда и занялся составленіемъ своихъ философскихъ трудовъ, которые окончательно убѣдили его въ томъ, что онъ избралъ себѣ вѣрный путь. Тогда наступила полная гармонія слова и жизни. Но эта жизнь требовала подъема духа, ибо была постояннымъ, непрерывнымъ *подвигомъ*, сама осуществляла ту борьбу плоти съ духомъ, о которой проповѣдывалъ Сковорода. Она приводила подъ часъ Сковороду въ со-

стояніе релігійознаго екстаза, возбужденія; отсюда вытекали его сны и видѣнія. И тѣ, и другія имѣють чисто психологическое объясненіе; они свидѣтельствуютъ не о мистицизмѣ его (который можетъ быть разсудочнаго происхожденія и примиряться съ холодною чувствомъ), а съ искреннимъ, глубокимъ экстазомъ на релігійной почвѣ. Въ такомъ состояніи духа онъ создалъ между прочими и свою „Борьбу архистратига Михаила съ сатаною“, гдѣ внутренняя борьба въ челоуѣкѣ двухъ теченій жизненнаго пути (спасительнаго и мірскаго) воплотилась въ образахъ и фигурахъ, имѣющихъ исключительно аллегорическое значеніе. И вотъ здѣсь то Скворода изобразилъ и самого себя, какъ челоуѣка, избравшаго правый, истинный путь. Это путь душевнаго *мира*, которымъ, говоритъ здѣсь Рафаилъ, пошелъ и Варсава (такъ называлъ себя Григорій Саввичъ). „Сей есть путь царскій, путь верховный, путь горній. Сямъ путемъ Енохъ, Илія, Аввакумъ и Филиппъ восхищены, не обрѣтошася въ мірѣ. Сямъ путемъ вошелъ на гору Авраамъ вознести въ жертву Исаака и пріялъ отъ Бога печать вѣры. Сямъ путемъ возшелъ на гору Фасга Моисей и упокоился. Сямъ путемъ шествуетъ весь Израиль во обѣтованную землю. Сямъ путемъ возшелъ въ Сіонъ Давидъ, насытился священныхъ хлѣбовъ, раздавъ и сущимъ съ нимъ по сковрадному блину. Сямъ путемъ восходитъ въ горнія Маріамъ, цѣлуетъ Елисавету и ублажается. Сямъ путемъ восходятъ на гору Галилейскую апостолы и видятъ свѣтъ Воскресенія. Сей есть путь субботный, разумный, мирный... Сей путь есть радостень, но пустъ, пустъ, но радостень и внѣ его нѣсть спасенія; пустъ же, яко людемъ избраннымъ точно отверсть міръ мнитъ его быти пустымъ, сирѣчь, суетнымъ. Сіе есть клевета. Мнитъ же его паки быти горнимъ, сирѣчь, горькимъ. И сіе клевета. Гора значить превосходство, не трудъ и горестъ. Горе глаголющимъ сладкое горькое и вопреки (2-е отд., стр. 202—203). Нѣсколько раньше мы находимъ изображеніе жизни и душевнаго состоянія этого путника—Варсавы, т. е. Сквороды. „Любезная моя брატія! говоритъ архангелъ Гавріилъ ангеламъ. Отвратите отъ содомлянъ ангельскія очи ваши и призрите на грядущаго предъ вами странника сего на землѣ. Онъ шествуетъ

со жезломъ веселыми ногами и мѣстами и спокойно воспѣваетъ; приплещъ азъ есмь на землѣ... Воспѣвая обращаетъ очи то на десно, то на лѣво, то на весь горизонтъ, почиваетъ то на холмѣ, то при источникѣ, то на травѣ зеленой, вкушаетъ пищу безпринравную, но самъ онъ ей, какъ искусный пѣвецъ простой пѣснѣ, придаетъ вкусъ. Онъ спитъ сладостно и тѣми же Божиими видѣніями во снѣ и внѣ сна наслаждается. Возстаетъ завтра свѣжъ и исполненъ надежды, воспѣвая Исаіевскую пѣснь: *взальцутъ юнѣйшіе и утрудятся юноты и избранныи не крѣпцы будутъ; терпяции же Господа обновлятъ крѣпость, окрылятють, яко орлы, потекутъ и не утрудятся, пойдутъ и не взалцутъ.* День его вѣкъ ему и есть яко тысяща лѣтъ и за тысящу лѣтъ нечестивыхъ не продастъ его. Онъ по міру наче всѣхъ нищій, но по Богу всѣхъ богатѣе. И что лучше, какъ веселіе сердца, животъ человѣку, жезлъ его есть Господь страстей и вождельнѣй его и радости его никтоже возьметъ отъ его. Досталъ онъ сей миръ, не яко же миръ доставать обыче. Онъ возлюбилъ путь и славу Божию. Сей есть истинный миръ и животъ вѣчный, а вѣсть его благовѣстіе. *Да слышитъ земля глаголы устъ моихъ!* Сей странникъ бродитъ ногами по землѣ; сердце же его съ нами обращается на небесѣхъ и наслаждается. *Праведныхъ души въ руцѣ Божіей,* у безумныхъ почитаются погибшими и заблудшими; *оны же суть въ миръ.* Хотя тѣлесныя наличности досаждая беспокоятъ, но сей уронъ со излишкомъ награждаетъ, упованіе ихъ безсмертія исполнено и воцарившійся Господь въ нихъ во вѣки. Не слышите ли, что сей пѣшеходець поетъ? Какъ не слышать, воскликнули архангелы. Онъ руками машетъ и поетъ пѣснь сію; *на пути свидѣній твоихъ насладишься, яко во всякомъ богатствѣ.* Онъ единъ намъ есть милѣйшій позоръ паче всѣхъ содомлянъ. Мы же его познали. Сей есть другъ нашъ: Даніиль Варсава“ (2-е отд., 200—201). Здѣсь мы находимъ чрезвычайно важное признаніе Сквороды о томъ, какое счастье доставлялъ ему сознательно избранный имъ путь матеріальныхъ лишеній, бѣдности, простоты, странничества.

О томъ, какъ произошелъ въ немъ этотъ внутренній переломъ, этотъ окончательный и безповоротный выходъ на новую

дорогу, самъ Сковорода разсказывалъ своему ученику и другу Ковалинскому такъ: избѣжавши моровой язвы въ Кіевѣ и поселившись послѣ этого въ ахтырскомъ монастырѣ, имѣя разженныя мысли и чувствіе души моей благоговѣніемъ и благодарностію къ Богу, вставъ рано пошелъ я въ садъ прогуливаться. Первое ощущеніе, которое осязалъ я въ сердцѣ моемъ, была нѣкая развязность, свобода, бодрость, надежда съ исполненіемъ. Введя въ сіе расположеніе духа всю волю и всѣ желанія мои, почувствовалъ я внутри себя чрезвычайное движеніе, которое преисполняло меня силы непонятной. Мгновенно изліаніе нѣкое сладчайшее наполнило душу мою, отъ котораго вся внутренняя моя возгорѣлась огнемъ и, казалось, что въ жилахъ моихъ пламенное теченіе кругообращалось. Я началъ не ходить, а бѣгать, аки бы носимъ нѣкимъ восхищеніемъ, не чувствуя въ себѣ ни рукъ, ни ногъ, но будто бы весь я состоялъ изъ огненного состава, носимаго въ пространствѣ кругобытія. Весь міръ исчезъ предо мною; одно чувствіе любви, благонадежности, спокойствія, вѣчности оживляло существованіе мое. Слезы полились изъ очей моихъ ручьями и разлили нѣкую умиленную гармонію во весь составъ мой. Я проникъ въ себя, ощутилъ аки сыновнее любви увѣреніе и съ того часа посвятилъ себя на сыновнее повиновеніе Духу Божію“. Ковалинскій отъ себя прибавляетъ, что до этого момента сердце Сковороды почитало Бога, аки рабъ; съ этихъ же поръ возлюбило его, аки другъ (1-е отд., стр. 28). Здѣсь, въ этомъ признаніи, мы имѣемъ исторію душевнаго переворота въ Сковородѣ, причемъ точно указывается и моментъ событія (дѣло происходило въ 1770 г.), и ближайшій поводъ къ нему (персть Божій, спасшій его отъ кievской чумы). По прошествіи 24 лѣтъ (въ годъ своей смерти въ 1794 г.) Сковорода передавалъ этотъ разсказъ Ковалинскому съ особеннымъ чувствомъ, давая понять, какъ близко къ намъ Богъ, какъ Онъ заботится о насъ, хранитъ насъ, подобно тому какъ коготъ своихъ птенцовъ, собравъ ихъ подъ свои крылья, если только мы не удаляемся отъ него во мрачныя желанія нашей растлѣнной воли. Ковалинскій, съ своей стороны, въ объясненіе этого явленія, вспоминаетъ разсказы Ксенофонта и Пла-

тона о геніѣ Сократовомъ, т. е. внутреннемъ тайномъ, необъяснимомъ побужденіи, которому онъ слѣдовалъ. Сковорода также вѣрилъ въ такого генія или Минерву. Онъ приучалъ себя во всѣхъ дѣяніяхъ жизни придерживаться тайнаго гласа внутренняго, невидимаго и неизъяснимаго мановенія духа, которое есть гласъ воли Божіей и которое люди чувствуя втайнѣ и послѣдуя движенію его ублажаются, не новинуюсь же побудителю сему и не памятуя онаго, окаеваются. Онъ, испытавъ на самомъ дѣлѣ святость тайнаго руководительства сего, возбуждалъ вниманіе въ другѣ своемъ и въ притчахъ къ сему святилищу внутрення силы Божія и часто приглашалъ прислушиваться изреченіямъ сего прорицалища нетлѣннаго духа, котораго гласъ раздается въ сердцахъ непорочныхъ, яко друга, въ развращенныхъ, яко судіи, въ непокорливыхъ, яко мстителя. Онъ называлъ его тѣмъ первобытнымъ закономъ человѣковъ, о которомъ говоритъ Св. Писаніе: нетлѣнный Духъ Твой есть во всѣхъ... Онъ утверждалъ, что Сей былъ тотъ саміи геній, которому послѣдуя во всемъ добродушный Сократъ, яко наставнику своему, достигъ степени мудраго, т. е. счастливаго". (1-е отд., стр. 16—17). Ковалинскій къ этому прибавляетъ, что Геній—это разумная внутренняя сила человѣка; другіе подразумѣваютъ подъ нимъ изощренное чувствованіе добра и зла. У Сковороды это было соединеніе того и другаго. Создавъ своимъ разумомъ себѣ міровоззрѣніе, Сковорода окончательно укрѣпилъ его въ себѣ чувствомъ, обратилъ его въ религію, которою весь проникся и которую сдѣлалъ единственною цѣлью своей жизни. На ней сосредоточились всѣ его душевныя силы—воображеніе, мысль, чувство и воля. И такъ какъ все это было направлено къ внутреннему самопознанію, къ отысканію внутри себя Верховной Силы, съ волей которой онъ хотѣлъ совершенно слить свою собственную, то естественно, что онъ, подобно Сократу, пріобрѣлъ привычку постоянно прислушиваться къ голосу своей совѣсти, особенно въ такихъ случаяхъ, когда въ немъ самомъ происходила борьба побужденій, стремлений и желаній. Прекрасной иллюстраціей къ этому можетъ служить слѣдующій рассказъ о Сократѣ, когда его осудили на

смерть и друзья совѣтовали, чтобы онъ написалъ оправдательную рѣчь, онъ отвѣтилъ: „я нѣсколько разъ принимался ее писать, но Гевій всегда мнѣ въ томъ препятствовалъ. Можетъ быть угодно Богу, чтобы я умеръ нынѣ легкою смертию, пока не приѣду въ многоболѣвненную и немощную старость“ (1-е отд., стр. 28).

Жизнь Сквороды представляетъ, можно сказать, идеальное соотвѣтствіе съ требованіями его ученія безъ малѣйшихъ отступленій отъ него даже въ самыхъ незначительныхъ неважныхъ подробностяхъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, сдѣлаемъ систематическія сопоставленія его ученія и жизни. *Общій смыслъ жизни* Сквороды, какъ это мы только что видѣли, вполне сходится съ сущностью его ученія. Тоже самое нужно сказать относительно отдѣльныхъ сторонъ его міросозерцанія. Намъ извѣстно уже, что онъ отвелъ Библии первое мѣсто среди источниковъ познанія. И въ жизни онъ также не разставался съ этою книгой никогда, зналъ ее изумительно (и при томъ въ подлинникѣ); она была для него главнѣйшимъ основнымъ источникомъ, предметомъ постоянного изученія и размышленія; онъ вникалъ во всѣ тонкости ея текста, толковалъ ихъ и заявлялъ, что въ самомъ простомъ на видъ ея изреченіи скрывается часто глубокой смыслъ. „Библия, говоритъ онъ, есть нашъ верховнѣйшій другъ и ближній, приводя насъ къ тому, что есть единое дражайшее и любезнѣйшее. Она есть для насъ предками нашими оставленный завѣтъ, хранящій сокровище Боговидѣнія. Боговидѣніе, вѣра, страхъ Божій, премудрость есть одно и то же. Все это истинная премудрость“. „Простите, други мои, говоритъ Скворода въ своемъ трактатѣ о душевномъ мирѣ, чрезмѣрной моею склонности къ сей книгѣ (т. е. Библии). Признаю мою горячую страсть. Правда, что изъ самыхъ младенческихъ лѣтъ тайная сила и маніе влечетъ меня къ правоучительнымъ книгамъ и я ихъ паче всѣхъ люблю; они врачуютъ и веселятъ мое сердце, а Библию началъ читать около 30 лѣтъ рожденія моего, но сія прекраснѣйшая для меня книга надъ всѣми моими полюбовницами (т. е. другими любимыми книгами) верхъ одержала, утоливъ мою долговременную алчбу и жажду хлѣбомъ и

водою, сладшайшей меда и сота Божіей правды и истины, и чувствую особливую мою въ ней природу. Убѣгалъ, убѣгаю и убѣжалъ, за предводительствомъ Господа моего, всѣхъ житейскихъ препятствій и плотскихъ вожделѣній, дабы могъ спокойно наслаждаться въ пречистыхъ объятіяхъ краснѣйшей паче всѣхъ дочерей человѣческихъ Сей Божіей дщери. Она мнѣ изъ непорочныхъ ложеснъ своихъ родила того чуднаго Адама, кой, какъ учитъ Павелъ, *созданный по Бозъ, въ правдѣ и преподобіи истины*, и о коемъ Исайя говоритъ: *родъ же его кто исповѣсть?* Никогда не могу надивиться пророческой премудрости. Самые праздные въ ней тонкости для меня кажутся очень важными. Такъ всегда думаетъ влюбившійся. Премногіе никакого вкуса не находятъ въ сихъ словахъ—*Веніаминъ волкъ хищникъ: рано ястъ еще и на вечеръ даетъ пищу; очи твои на исполненіяхъ водъ*—а мнѣ они несказанную въ сердце вливаютъ сладость и веселіе, чѣмъ чаще ихъ отрыгая жваніе жую. Чѣмъ было глубочае и безлюднѣе уединеніе мое, тѣмъ счастливѣе мое сожителство съ сею возлюбленною въ женахъ, и симъ Господнимъ жребіемъ я доволенъ. Родился мнѣ мужескъ полъ, совершенный и истинный человѣкъ, умираю не безчаденъ. И въ семь человѣкъ похваляюся, дерзая съ Павломъ: *не всеу текохъ*. Се то тотъ Господенъ человѣкъ, о коемъ писано: *не отемнятъ очи его*“ (2-е отд., стр. 110—111). И дѣйствительно, занятія Библией были для Скороводы умственной работой всей его жизни; къ ней направлялось все его философское любомудріе; она въ то же самое время была для него и единственнымъ источникомъ познанія, ибо это послѣднее онъ отождествлялъ съ Богопознаніемъ, она была и цѣлью, и средствомъ познанія, она была сама истина, которую человѣкъ долженъ въ ней познавать посредствомъ разума и вѣры.

Выше мы познакомились съ ученіемъ Скороводы о счастіи а указавъ, какой жизненный путь онъ сознательно выбралъ себѣ самъ, могли убѣдиться, что и тутъ было полнѣйшее соотвѣтствіе: Скоровода основалъ *свое* счастіе на внутреннемъ самопознаніи, на своемъ душевномъ мирѣ; и тутъ на немъ самомъ оправдалась (по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени) справедливость

его теоріи, которая съ перваго взгляда кажется только афоризмомъ (что истинное счастье не трудно, ибо оно нужно всякому). Говоримъ „оправдалось“, потому что онъ несъ бремя жизни легко, никогда не отступая въ сторону отъ своего пути, и не только не жаловался на свою судьбу, но, наоборотъ, постоянно до глубокой старости и смерти былъ доволенъ и счастливъ, живя съ сознаниемъ, что избранный имъ путь былъ для него единственно правильный. Это былъ путь бѣдности и всяческихъ матеріальныхъ лишеній. Сковорода проповѣдывалъ необходимость освобожденія отъ тѣхъ путей, которыя всецѣло захватываютъ человѣка и дѣлаютъ его рабомъ своимъ (богатство, почести, знатность рода), и самъ буквально все это примѣнилъ къ себѣ: его не соблазнили ни перспектива виднаго общественнаго положенія, ни даже тѣ обычные удобства житейской обстановки, которыя могутъ быть оправданы какою угодно системою нравственности, между тѣмъ отказъ отъ нихъ очень труденъ и даетъ себя безпрерывно чувствовать. Всякій человѣкъ имѣетъ право на свой домашній уголъ, на семью, на необходимыя средства для своего пропитанія. Сковорода, нисколько не возставая противъ всего этого, самъ добровольно отказался отъ нихъ, чтобы лучше сохранить необходимую свободу духа и дѣятельности. Такимъ образомъ, и здѣсь онъ шелъ не обычнымъ путемъ, а путемъ тяжелого, съ нашей точки зрѣнія, подвига. Отставъ отъ учительской должности въ Переяславѣ, онъ скромно, молчаливо, терпѣливо, безропотно переносилъ недостатки, „имѣя тогда только двѣ худыя рубашки, одинъ камлотовый кафтанъ, одни башмаки, одни черныя гарусныя чулки“ (1-е отд. стр. 4). Получивъ мѣсто учителя въ харьковскомъ коллегіумѣ (въ 1759 г.), Сковорода „одѣвался пристойно, но просто; пищу имѣлъ, состоящую изъ зелій, плодовъ и молочныхъ приправъ, употреблялъ оную въ вечеру по захожденіи солнца; мяса и рыбы не вкушалъ не по суевѣрію, но по внутреннему своему расположенію; для сна отдѣлялъ отъ времени своего не болѣе четырехъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ пѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда веселъ, бодръ, легокъ, подвиженъ воздержанъ,

цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словоохотенъ, гдѣ не принужденъ говорить, изъ всего выводящій правуючєніе, почителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщаль больныхъ, утѣшаль печальныхъ, раздѣляль по слѣднее съ неимущими, выбираль и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣль набожность безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести“ (Ib. стр. 10-я). Въ этихъ словахъ ученика Сковороды Ковалинскаго онъ выступаетъ передъ нами, какъ живой. Здѣсь всякая фраза, всякое слово рисуетъ намъ или образъ жизни его, или нравственную фізіономію, или характеръ. Въ своемъ образѣ жизни онъ не былъ аскетомъ; его вегетаріанство (употребляемъ современный терминъ) не было ни результатами суевѣрія, ни внѣшнимъ флагомъ его ученія; онъ относился къ этому дѣлу просто, здраво, разумно, безъ фанатизма: „не ѣль рыбы и мяса по внутреннему расположенію“, говоритъ Ковалинскій, и этимъ сказано все; т. е. самъ не чувствовалъ къ нимъ вкуса, но не считаль ихъ вредными для всѣхъ, какъ это проповѣдуютъ современные вегетаріанцы. Еще вступая въ должность учителя харьковскаго коллегіума, онъ не захотѣль брать причитающагося ему жалованья, полагая, что удовольствіе, которое онъ находить быть въ семь случаѣ полезнымъ по склонности своей, замѣняетъ ему всякую мзду; сдѣлавшись же странникомъ, онъ окончательно отказался отъ денегъ, и такимъ безсребренникомъ оставался до конца дней своихъ. Когда въ 1794 г. ученикъ и другъ его Ковалинскій, у котораго онъ гостилъ нѣкоторое время, провожалъ его въ Украину и хотѣль дать ему на дорогу денегъ (а предстояль ему, 74 лѣтнему больному старцу, не малый путь изъ Орловской губерніи въ Харьковскую¹⁾), Сковорода рѣшительно отказался. „Напутствуя его

¹⁾ Обыкновенно Григорій Саввичъ ходилъ пѣшкомъ; но тутъ путь былъ слишкомъ великъ — и онъ поѣхаль, тѣмъ боге, что чувствовалъ себя нездоровымъ. О его страсти къ пѣшему хожденію свидѣтельствуютъ слѣдующій анекдотъ. Въ одно время по большой дорогѣ возвращался изъ Воронежа помѣщикъ Тевяшовъ (пріятель Григорія Саввича, у котораго тотъ подолгу проживаль) въ свое имѣніе въ каретѣ и видитъ по дорогѣ пѣшехода, въ которомъ, къ удовольствію своему, узнаеть Григорія Саввича, идущаго съ своей вѣчной котомкой и палкой, къ нему въ

всѣмъ потребнымъ, рассказываетъ Ковалинскій, давъ ему полную волю, по нраву его, выбрать, какъ хочетъ онъ, куда, съ кѣмъ, въ чемъ ѣхать ему, представилъ ему для дороги, въ случаѣ необходимости, нужный запасъ, говоря: „возьмите сіе; можетъ быть въ пути болѣзнь усилится и заставитъ гдѣ остановиться, то нужно будетъ заплатить“... „Ахъ, другъ мой! сказалъ онъ. Неужели я не приобрѣлъ еще довѣрія къ Богу, что промыслъ его вѣрно печется о насъ и даетъ все потребное во благовременность?“ Другъ его замолчалъ съ приношеніемъ своимъ. (1-е отд., стр. 38). Но и здѣсь опять таки не было отрицанія общественной необходимости денегъ, какъ видно изъ объясненія самого Скворода (на которомъ мы остановимся далѣе при разборѣ обвиненій его въ Манихейской ереси); онъ только примѣнялъ это требованіе къ себѣ, потому что выбралъ роль бѣдняка голыша нищаго. Но подобно тому, какъ Скворода не былъ проповѣдникомъ аскетизма, такъ и въ своей личной жизни онъ не былъ аскетомъ. Онъ, правда, ѣлъ умѣренно и по большей части простую крестьянскую пищу, но не изнурялъ себя голодомъ; онъ былъ противъ пьянства, какъ излишества, но, какъ въ письмѣ къ Тевяшову, хвалилъ древне-римскія пирушки, приправленныя мудрой бесѣдой, такъ и самъ не отказывался отъ нихъ, когда его приглашали къ себѣ добрые друзья и знакомые по случаю различныхъ радостныхъ событій своей жизни—именинъ, свадебъ и т. п. Мало того: тѣже близкіе къ нему люди постоянно доставляли ему подарки, выражая этимъ свое расположеніе къ

гости. Добрый помѣщикъ несказанно обрадовался этой встрѣчѣ и хотѣлъ усадить Сквороду съ собой въ карету, чтобъ ѣхать вмѣстѣ, но никакъ не могъ его въ томъ убѣдить. „Ни пане, не треба мени привыкати къ сѣму, се—мое, а то—твое изжай собі зъ Богомъ, а ще може дожену тебе—онъ тамъ на горця“. Между тѣмъ въ это время наступала грозная туча съ бурей, обшавшая проливной дождь, и дѣйствительно Скворода догналъ Тевяшовъ и, къ удивленію послѣдняго, былъ весь сухъ, тогда какъ небыло по дорогѣ мѣста, гдѣбы укрыться отъ дождя. Какъ это ты, Григорію Саввичу, ухитрился укрыться отъ дождя, спросилъ его Тевяшовъ? Эге! Я жъ зная зъ себе жупанъ и черевкы и шапку и все те въ суму заховавъ, а якъ перейшовъ дожилокъ, я и надивъ все сухе и, якъ казавъ, догнавъ тебе; не дурно пословица каже: „швидко поидешъ, недалеко увидешъ“ (Григорій Саввичъ Скворода. Біографическій очеркъ—въ Ворон. Литерат. Сборникѣ, изд. Н. Гарденинымъ. Подъ редакціей П. Малихина; вып. 1-й Вор. 1861 г., стр. 252—253).

нему; такъ, Ковалинскій и жена его посылали ему музыкальные инструменты, очки, книги и трубку (значить, Скворода курилъ), сыръ, рыбу, платочки; харьковскій купецъ (бывшій потомъ городскимъ головою), Е. Е. Урюпинъ, принималъ его у себя въ домѣ, сдѣлалъ пиръ, а потомъ снабдилъ его на дорогу виномъ въ бочоночкѣ (другой бочоночекъ далъ ему Дубравинъ¹⁾; свящ. Іакова Правицкаго Григорій Саввичъ просилъ о присылкѣ ему Бабаевского (домашняго) пива, очковъ, зимнихъ сапогъ (котовъ) и, наконецъ, лимоновъ и ягодносоку; въ этомъ послѣднемъ онъ нуждался по случаю болѣзни (горячки), остатки которой мучили его въ это время²⁾. Чистымъ источникомъ неизсякаемыхъ радостей была для Г. С. Сквороды природа, на лонѣ которой онъ проводилъ большую часть своего времени. Онъ не любилъ, какъ мы видѣли, городовъ и предпочиталъ имъ села, но и въ этихъ послѣднихъ выбиралъ „пустыни“, т. е. самыя уединенныя мѣста—лѣса, сады, пасѣки и т. п. Вотъ стихотвореніе несомнѣнно автобіографическаго характера; въ немъ Скворода изображаетъ собственную жизнь въ обычной деревенской обстановкѣ: „о селянскій, милій, любый мой покою, всякій печали лишенный! О источниковъ шумъ журчащихъ водою, о лѣсъ земный, прохладенный, о шумящи кудри волосовъ древесныхъ, о на лукахъ зелень красна, о самота-мати ради душъ небесныхъ, о сумна тихость ужасна, гдѣ развѣ гласъ только птичье даетъ волѣ да сопѣлка пастухова, какъ вигонить овцы въ благовонне поле или въ домъ пригонитъ знова! О мой столыкъ малій, ни скупъ ни излишній стравами (кушаньями) селскими набратій! Ни тѣ, чтобъ господскій раздражить вкусъ пишній, кухарь присмачилъ (сдѣлалъ вкуснѣе) нанятій, но что синамъ зѣ батькомъ, наспѣвшимъ зѣ орання сама варить мати въ домѣ! О бібліотеко ты моя избрана, о немногимъ книги чтомы!“ (2-е отд., стр. 289—290). Практика *воспитанія* Сквороды находится въ полномъ соотвѣтствіи съ его теоріей. Въ такомъ духѣ онъ воспитывалъ своего питомца Василя Томару и особенно Мих. Ковалинскаго,

¹⁾ Эти бочоночки подали потомъ поводъ къ превратнымъ толкованіямъ.

²⁾ Письма Г. С. Сквороды къ свящ. Правицкому, стр. 13, 21, 10.

въ такомъ духѣ онъ велъ преподаваніе и въ Харьковскомъ Коллегіумѣ. „Сковорода, поселившись у Тамары, началъ раньше воздѣлывать сердце воспитанника своего и, рассматривая природныя склонности его, помогать только природѣ въ ращеніи направленіи легкимъ, нѣжнымъ, нечувствительнымъ, а не безвременно обременять разумъ его науками, и воспитанникъ привязался къ нему внутреннею любовію“ (1-е отд., стр. 4—5). Къ Ковалинскому онъ всецѣло примѣнилъ свою педагогическую теорію: заботился и объ его здоров'ї¹⁾, обращалъ вниманіе на эстетическую сторону его развитія, но главное, дѣйствовалъ развивающимъ образомъ на его умъ и сердце. Вотъ что говорить объ этомъ самъ Ковалинскій: „Григорій (Саввичъ) часто началъ посѣщать его и, по склонности молодого человѣка, занимать его музыкою и чтеніемъ книгъ, служившихъ поводомъ къ разговору и нравоученію, открывъ въ молодомъ человѣкѣ сердце, какого желалъ, и способности природныя, каковыя любилъ, обратилъ вниманіе свое на удобреніе разума его и духа“ (1-е отд., стр. 12). Сковорода хотѣлъ сдѣлать изъ Ковалинскаго своего ученика и послѣдователя—и достигъ этого. Объ этомъ категорически свидѣтельствуютъ съ одной стороны самъ Ковалинскій, а съ другой—письма къ нему Сковороды, раскрывающія передъ нами во всѣхъ подробностяхъ этотъ процессъ нравственнаго перерожденія ученика подъ вліяніемъ учителя (на этомъ мы еще остановимся ниже). Ковалинскій былъ не только ученикомъ Сковороды по Харьковскому Коллегіуму, но и его интимнымъ питомцемъ, котораго онъ полюбилъ сразу, и эта любовь, съ теченіемъ времени, только усиливалась; другіе ученики Сковороды по Коллегіуму, конечно, стояли отъ него несравненно дальше, но и къ нимъ онъ примѣнялъ свою систему нравственнаго воспитанія, открывъ для нихъ курсъ христіанскаго добронравія, въ которомъ кратко изложилъ сущность своего христіанско-философскаго міросозерцанія. Наконецъ, тѣже идеи онъ проповѣдывалъ и впослѣдствіи, оставивъ педагоги-

¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ одно изъ писемъ его къ Ковалинскому; 1-е отд., стр. 76—78, ср. также 70.

ческую дѣятельность въ Коллегіумѣ и сдѣлавшись странствующимъ народнымъ учителемъ въ широкое и благороднѣйшее смыслѣ этого слова. И здѣсь онъ оставался наставникомъ, учителемъ съ тою только разницею, что наставлялъ не дѣтей, не юношей, а взрослыхъ. Характерною особенностью его педагогическихъ пріемовъ было то, что онъ не подлаживался подъ вкусы и привычки своихъ слушателей, а, наоборотъ, всѣмъ, всегда и вездѣ, прямо и открыто излагалъ свои мнѣнія, изобличалъ заблужденія и предрасудки. И понятно, почему швейцарцу Вернету такая прямая откровенность рѣзкая проповѣдь истины представлялась неудобной; по его мнѣнію, истина должна быть всегда прикрыта пріятною завѣсою.

Но Своворода, со своимъ прямодушіемъ и чистосердечіемъ, былъ далекъ отъ всякой искусственности и фальши. Онъ говорилъ и дѣлалъ то, что думалъ и чувствовалъ. Такъ онъ поступалъ и въ самомъ святомъ дѣлѣ своей жизни—*релиіи*. Здѣсь опять онъ жилъ такъ, какъ училъ. Въ ученіи своемъ онъ, какъ мы знаемъ, постоянно обращалъ вниманіе на внутреннюю сторону христіанства, указывалъ и здѣсь, какъ вездѣ, на превосходство духа надъ внѣшностью, обрядомъ, церемоніей. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ этого слова духовнымъ христіаниномъ, постоянно всѣмъ сердцемъ своимъ стремившимся къ Богу. „Въ лишеніяхъ своихъ, говоритъ Ковалинскій, призывая въ помощь вѣру, не полагалъ оной въ наружныхъ обрядахъ однихъ; но во умерщвленіи самопроизволенія духа, т. е. побужденій отъ себя происходящихъ, въ заключеніи всѣхъ желаній своихъ въ волю всеблагаго и всемогущаго Творца по всѣмъ предпріятіямъ, намѣреніямъ и дѣламъ. Онъ единственно занимался повелѣвать чувству своему и поучать сердце свое не дерзая господствовать надъ порядкомъ промысла Божія, но повиноваться оному во всей смиренности“ (1-е отд., стр. 11). Ночью онъ отдыхалъ отъ своихъ глубокихъ размысленій; легкой, тихой сонъ укрѣплялъ его силы, изнуренныя дневными подвигами. Полуночное время онъ всегда посвящалъ молитвѣ, которая протекала въ глубокомъ сосредоточеніи чувствъ и безмолвіи природы и потому сопровождалась богомысліемъ. Ковалинскій очень картинно

но рисуєть внутреннюю боротьбу, происходившую при этомъ въ Сквородѣ. „Тогда онъ, говорить К., собравъ всѣ чувства и помышленія въ кругъ внутрь себя и обзрѣвъ окомъ суда мрачное жилище своего перстнаго человѣка, такъ воззывать оныя къ началу Божію: возстаните лѣнвивіи и всегда низу понижши ума моего помыслы! Возьмитесь и возвыситесь на гору вѣчности. Тутъ мгновенно брань открывалась и сердце его дѣлалось полемъ рати: самолюбіе вооружалось съ міродержателемъ вѣка—свѣтскимъ разумомъ, собственными брѣнями человеческой слабостями и всѣми тварями, нападало сильнѣйше на волю его, дабы плѣнить ее, возстать на престолѣ свободы ея и быть подобнымъ Вышнему. Богомыслие вопреки приглашало волю его къ вѣчному, единому, истинному благу Его, вездесущему, вся исполняющему и заставляю его облецись во вся оружія Божія, дабы возможи ему стати противу кознемъ лжемудрія. Какое бореніе! Колико подвиговъ! Возшумѣша и смятешася: надлежало бодрствовать, стоять, мужаться. Небо и адъ борются въ сердцѣ мудраго, и можетъ ли онъ быть празденъ, безъ дѣла, безъ подвига, безъ пользы человечеству? Тако за полунощные часы провождалъ онъ въ бранномъ ополченіи противу мрачнаго міра. Возсіявающее утро облекало его въ свѣтъ побѣды и въ торжество духа выходилъ онъ въ поле раздѣлять славословіе свое со всею природою. Сей былъ образъ жизни его“. Таково было недѣланіе Сквороды. „Можно было жизнь Сквороды назвать жизнію“. Такимъ характеромъ отличалось пустынножителство, отшельничество, монашество Сквороды.

Но это была только одна половина его жизни, посвященная внутреннему самопознанію и созерцанію, непосредственному обращенію къ Богу. Другая была направлена къ общенію съ людьми и проповѣди имъ тогоже вѣчнаго духа, Бога, къ которому стремился онъ самъ. Тамъ Скворода исполнялъ заповѣдь любви къ Богу, тутъ другую заповѣдь—любви къ ближнему. Этимъ чувствомъ руководился онъ, посѣщая больныхъ, обращая на путь правды и добра заблудившихся. Отшельникъ въ немъ соединялся съ проповѣдникомъ нравственности. Сосредоточившись исключительно на такомъ чисто духовномъ Бого-

познаній, возбудивъ всѣ свои чувства и помышленія къ служенію этому невидимому Духу, по себѣ только считая обряды формою, подъ которою должна скрывать ея внутренняя сила, Сковорода лично самъ не придерживался ихъ, и это потому что усвоилъ себѣ другой путь—прямого внутреннего непосредственнаго общенія съ Богомъ. Конечно, онъ не удовлетворялъ въ данномъ случаѣ требованіямъ обычной православной ортодоксальности. „Сковорода думалъ, что совершенство человѣка состоитъ въ дѣланіи истинной пользы ближнему и что таинства и обряды тайноводства относительно къ слову, а царствіе Божіе есть въ силѣ или въ дѣлѣ. (1-е отд., стр. 13—14). Стараясь подъ буквальнымъ смысломъ вездѣ открыть высшій духовный, Сковорода вносилъ это аллегорическое толкованіе въ объясненіе таинствъ и разныхъ библейскихъ повѣствованій; съ этой точки зрѣнія онъ объяснялъ таинство евхаристіи, воскресеніе мертвыхъ, судъ Божій, адъ, рай. Вотъ какъ понималъ онъ воскресеніе и судъ Божій. Грядетъ часъ и *нынѣ есть*, егда мертвіи услышатъ гласъ сына Божія и слышавше оживуть. Аще убо и нынѣ часъ есть, то почто на утріе на тысящу лѣтъ, на нѣсколько вѣковъ и кругообращеній планетъ откладываемъ жизнь, смерть, воскресеніе, судъ, гласъ Сына Божія? Нося уже въ себѣ огонь неугасаемый мучительныхъ желаній и чувствій и червь неусыпаемый угрызений совѣсти, можемъ ли сказать, что мы еще не осуждены, что гласъ Сына Божія не слышится въ насъ еще, что труба Божія не низвела еще къ намъ судію страшнаго, праведнаго, судящаго якоже слышитъ онъ сердце наше?“ (1-е отд., стр. 20). „Знаю, что многихъ умы ищутъ равновѣсія въ награжденіяхъ и наказаніяхъ, полагая на свои вѣсы мѣру и число дѣла человѣческаго и судъ Божій. Другъ мой! Величайшее наказаніе за зло есть сдѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть дѣлать добро. Любовь добродѣтели подобна свѣту огня; зажги огонь—тотчасъ свѣтъ осіяетъ глаза твои, возлюби, возчувствуй охоту къ добродѣтели—тотчасъ сердце твое освѣтится веселіемъ. Любовь къ порокамъ подобна потушенному огню: погаси огонь,—тотчасъ тьма покрыла очи твои; не знаешь, куда идешь, нѣтъ тебѣ различія вещей, міръ не существуетъ для тебя лучшею и величайшею частію:

се наказаніе уже постигло тебя съ самимъ дѣйствомъ. Если Богъ вездѣ, то можетъ ли беззаконникъ быть безъ него? Нѣтъ! Богъ есть въ немъ, судія его, мститель, терніе его, огонь и жупель, духъ будетъ, часть чаши ихъ“ (1-е отд., стр. 36—37). Аллегорическому толкованію Преображенія и Воскресенія Господня Сковорода посвятилъ двѣ проповѣди, которыя цѣликомъ вошли въ его „Потопъ змінъ“. Злые духи, съ сатаною во главѣ,—это, по мнѣнію Сковороды, злыя, т. е. плотскія наши мысли, и онъ картинно изобразилъ борьбу въ человѣкѣ этихъ добрыхъ и злыхъ мыслей, ангельскаго и дьявольскаго сердца въ своемъ произведеніи „Борьба архистратига Михаила съ сатаною“. Грѣхи—это наши страсти; чистосердечіе и спокойствіе—это добродѣтели. (2-е отд., стр. 192). Въ письмѣ къ нѣкому Кириллу¹⁾ онъ говоритъ: все оставляю и оставилъ и въ теченіе всей своей жизни намѣренъ только стремиться къ тому, чтобы уразумѣть, что такое смерть Христова, что означаетъ воскресеніе, ибо никто не можетъ возстать со Христомъ, если раньше не умретъ съ нимъ. Намъ свится, что мы постигли высоту священнаго писанія, между тѣмъ, какъ мы не знаемъ, что такое крещеніе и причащеніе²⁾, хотя эти таинства и считаются понятными для всякаго. Не слѣдуетъ искать Господа только въ храмѣ: онъ близъ насъ, съ нами, внутри насъ; Духъ святой внутри насъ, будучи стражемъ всего добраго и дурнаго; нѣтъ добраго человѣка, у котораго не было бы Бога въ сердцѣ.

Въ церковь Сковорода обыкновенно не ходилъ, но молился всякую ночь въ глубокомъ уединеніи, устремляя свои помыслы къ невидимому Богу. Это отрицаніе обрядовъ и таинствъ сближаетъ какъ бы Сковороду съ сектантами; но, на самомъ дѣлѣ онъ чувствовалъ глубокое внутреннее нерасположеніе ко всякому сектанству и при томъ даже въ его *идей*, ибо оно ско-

¹⁾ 1-е отдѣленіе, стр. 54—55.

²⁾ См. объ этомъ латинское стихотвореніе Сковороды, сущность котораго заключается въ слѣдующихъ стихахъ. „Frustra corpus edit, qui in corpore sistit edendo, qui nec ut ad mentem progrediatur edit... sume mihi cum Carne Animum, Carissime, Christi et sic cum Domino Spiritus unus eris. (Ibidem. 79, 80); ср. также 58-е письмо, стр. 93.

вывало челоѣка опредѣленными формами, противъ которыхъ онъ боролся всю свою жизнь. Въ этомъ отношеніи между нимъ и основателями русскаго раскола цѣлая пропасть. Тѣ готовы были душу свою положить за единую букву азъ, между тѣмъ какъ Сковорода доказывалъ, что познаніе Бога и правды доступно не только всѣмъ безъ различія христіанамъ, но и нѣкоторымъ лучшимъ представителямъ стараго классическаго языка. У Сковороды вовсе не было религіозной нетерпимости, фанатизма и исключительности: наоборотъ онъ вооружался противъ нихъ чрезвычайно горячо и рѣзко въ своихъ сочиненіяхъ; онъ ихъ отождествлялъ съ суевѣріемъ и считалъ не менѣе вреднымъ явленіемъ, чѣмъ и безвѣріе. „Благочестивое сердце, по его словамъ, между высыпанными курганами буйнаго безбожія и между подлыми болотами рабострастнаго суевѣрія, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво, прямо течетъ на гору Божию“. Секты, по его словамъ, происходятъ изъ суевѣрій. „Изъ суевѣрій, говоритъ онъ, родились вздоры, споры, секты, вражды междоусобныя и странныя, ручныя и словесныя войны, младенческіе страхи пр.“ (2-е отд., стр. 252—253). Сковорода, можно сказать, не отрицалъ таинствъ и обрядовъ въ ихъ сущности, а только старался найти въ нихъ высшій смыслъ и значеніе, понималъ ихъ духовно, аллегорически, т. е. относился къ нимъ такъ, какъ и къ Библии вообще. Это не было, такимъ образомъ, настоящее принципиальное отрицаніе или разореніе закона, а только пополненіе его. Такъ онъ самъ смотрѣлъ на это дѣло. „Многіе, говорилъ Сковорода, не разумѣя меня или не хотя разумѣть, клеветуютъ, якобы я отвергаю исторію ветхаго и новаго завѣта, потому что признаю и исповѣдую въ оной духовный разумъ, чувствую Богописанный законъ и усматриваю Сущаго съвозъ буквальный смыслъ. Я пополняю симъ исторію, а не разоряю, ибо какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и священное писаніе безъ вѣры; вѣра же есть невидимыхъ извѣщеніе. Когда я хвалю доблесть воина, неустрашимость, мужество, храбрость его, то симъ не уничтожаю нарядовъ его, ни оружія его. Нарядъ, убранство, оружіе воина есть исторія, а разумъ и слова сей исторіи есть духъ воина, дѣла его... Но историческіе хрис-

тіане, обрядные мудрецы, буквальные богословы, чело́вѣки, духа не имуще, хулять то, чего не разумѣють“ (1-е отд., стр. 34, 36). Правда лично для себя онъ не считалъ необходимымъ внѣшнихъ формъ Богопочитанія; но это потому, что онъ всецѣло предался, посвятилъ себя внутреннему непосредственному общенію съ Божествомъ, что, конечно, было доступно только такимъ исключительно религіознымъ людямъ, какимъ былъ онъ. Но и въ этомъ *личномъ* отрицаніи обрядности была огромная разница между Сковородой и сектантами: онъ не увлекался духомъ отрицанія и не дѣлалъ изъ него *сущности* своей религіозной системы или даже знамени его, какъ это мы видимъ у многихъ изъ нихъ. И тутъ онъ оставался въ высокой степени послѣдовательнымъ: еслибы отрицаніе обрядности онъ возвелъ въ своего рода культъ, онъ бы этимъ самымъ придалъ ей такое важное значеніе, какого она отнюдь не имѣла въ его глазахъ, онъ бы сталъ въ противорѣчіе съ основами своего міросозерцанія. Но онъ этого не сдѣлалъ и остался вѣренъ себѣ и въ данномъ случаѣ также точно, какъ былъ послѣдователенъ въ отношеніи къ вегетаріанству. Прекрасной иллюстраціей къ этому могутъ послужить три случая изъ его жизни, которые отнюдь не являются доказательствомъ его непослѣдовательности или слабости характера, а наоборотъ ярко рисуютъ его высоко нравственную личность и свидѣтельствуютъ о полномъ отсутствіи въ немъ религіознаго фанатизма, исключительности. „Нѣкогда, рассказываетъ Баталинъ, Григорій Саввичъ Сковорода жилъ въ Острогожскѣ. Въ это время прибылъ туда преосвященный Тихонъ. Узнавъ о его пріѣздѣ, Г. С. всячески избѣгалъ случая встрѣтиться съ нимъ; но преосвященный непремѣнно желалъ видѣть этого необыкновеннаго чело́вѣка и упросилъ хозяина дома, гдѣ жилъ малороссійскій философъ, доставить ему случай къ этому. Случай вскорѣ и представился, не смотря на все нежеланіе Г. С. Сковороды. Послѣ обычныхъ привѣтствій завязался разговоръ. Между прочимъ преосвященный спросилъ у Г. С., до чего онъ болѣе охотникъ. „До пчелъ“, отвѣчалъ тотъ. За этимъ, разумѣется, пошли рассказы о пчелиномъ государствѣ, о примѣрномъ благоустройствѣ этихъ насѣкомыхъ

и пр. Незамѣтно собесѣдники коснулись и религіи. „Почему вы не ходите никогда въ церковь“?, спросилъ преосвященный у Г. С. „Если вамъ угодно, я завтра же пойду“, отвѣчалъ философъ—и дѣйствительно, на другой же день сдержалъ свое слово. Преосвященный никакъ не могъ надивиться такой противоположности между сочиненіями и поступками знаменитаго любу мудра Малороссіи¹⁾“ А секретъ заключается въ томъ, что такого противорѣчія и не было: оно явилось результатомъ слабаго, поверхностнаго знакомства съ трудами и воззрѣніями нашего украинскаго мудреца. Сковорода, не впадая въ противорѣчіе съ собою, могъ, дѣйствительно, явиться въ церковь, на зовъ архипастыря, хотя обыкновенно предпочиталъ молиться въ полномъ и глубокомъ уединеніи. Другой случай передаетъ извѣстный К. С. Аксаковъ. „Однажды въ церкви въ ту минуту, какъ священникъ, выйдя изъ алтаря съ дарами, произнесъ: „со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите“, Сковорода отдѣлился отъ толпы и подошелъ къ священнику. Послѣдній, зная причудливый нравъ Сковороды и боясь пріобщить нераскаившагося (вѣроятно, Сковорода не исповѣдывался у него), спросилъ его: „Знаешь ли ты, какой великій грѣхъ ты можешь совершить, не приготовавшись? И готовъ ли ты къ сему великому таинству? „Знаю и готовъ!“, отвѣчалъ суровый отшельникъ, и духовникъ, вѣря его непреложнымъ словамъ, пріобщилъ его охотно²⁾“. Третій случай относится уже къ послѣднимъ часамъ его жизни, когда онъ проживалъ у своего друга помѣщика Анд. Ковалевскаго. Этотъ послѣдній, „видя его крайнее изнеможеніе, предложилъ ему нѣкоторые обряды для приуготовленія къ смерти. Онъ, какъ Павелъ апостоль (посланіе къ Римл., гл. 3-я, стр. 28), почитая обряды обрѣзанія ненужными для истинно вѣрующихъ, отвѣтствовалъ, подобно какъ Павелъ же іудеямъ обрядствующимъ. Но, *представя себѣ совѣсть слабую, немощь вѣрующихъ и любовь христіанскую, исполнилъ все по уставу обрядному и скончался.*“ (1-е отд. стр. 39). Ка-

¹⁾ Мосевитянинъ, 1849, № 24, стр. 68.

²⁾ Украинская старина, стр. 68.

кое глубокое пониманіе заповѣди любви! Какая чуткость и уваженіе къ убѣжденіямъ ближнихъ! Какая терпимость! Сковорода не боялся смерти, былъ готовъ къ ней и умеръ, какъ подобало умереть истинному философу, всю свою жизнь проповѣдывавшему безсмертіе. Онъ часто бесѣдовалъ о смерти со своимъ ученикомъ и другомъ М. И. Ковалинскимъ. „Страхъ смерти, говорилъ онъ ему, нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости его. Потребно благовременно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего, не умствованіями—они суть не дѣйствительны—но мирнымъ расположеніемъ воли своей къ волѣ Творца. Такой душевный миръ приготавливается издали, тихо въ тайнѣ сердца растеть и усиливается чувствіемъ сдѣланнаго добра, по способностямъ и отношеніямъ бытія нашего къ кругу, занимаемому нами. Сіе чувстіе есть вѣнецъ жизни и дверь безсмертія; впрочемъ, преходить образъ міра сего и, яко соніе возстающаго, уничтожается“... Жизнь наша, продолжалъ онъ далѣе, это сонъ мыслящей силы нашей. „Придетъ часть, сонъ кончится, мыслящая сила пробудится и всѣ временныя радости, удовольствія, печали и страхи временности сей исчезнутъ. Въ иной кругъ бытія поступитъ духъ нашъ, и все временное, яко соніе востающаго, уничтожится“ (1-е отд., стр. 36). И если принять во вниманіе тотъ внутренній душевный миръ, который давно уже создалъ себѣ Сковорода, если присоединить къ нему сознаніе сдѣланнаго имъ добра и глубокое убѣжденіе въ безсмертіи человѣческаго духа, то для насъ станетъ вполне яснымъ, почему онъ не только безбоязненно, а даже съ радостію уходилъ изъ этого временнаго жилища въ предѣлы вѣчности. Вотъ описаніе его смерти. „Въ деревнѣ (Пань-Ивановнѣ) у помѣщика А. Ковалевскаго небольшая „кинатка“ окнами въ садъ, отдѣльная, уютная, была его послѣднимъ жилищемъ. Впрочемъ, онъ бывалъ въ ней очень рѣдко; обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также старикомъ, добрымъ, благочестивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Сковорода до смерти не переставалъ любить жизнь уединенную и бродячую. Былъ прекрасный день. Къ помѣщику собралось много сосѣдей погулять и повеселиться. Послушать Сковороду

было также въ предметѣ. Его всѣ любили слушать. За обѣдомъ Скворода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, рассказывалъ про свое былое, про свои странствія, испытанія. Изъ-за обѣда встали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчіемъ. Скворода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. Долго ходилъ онъ по излучистымъ тропинкамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работавшимъ мальчикамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искать Сквороду и нашелъ подъ развѣистой липой. Солнце уже заходило, послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу листьевъ. Скворода, съ заступомъ въ рукѣ, рылъ яму—узкую, длинную могилу. „Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ?“—сказалъ хозяинъ, подошедши къ старцу. „Пора, другъ, кончить странствіе!“—отвѣтилъ Скворода: и такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы отъ истязаній! Пора успокоиться!“—„И, братъ, пустое! Полно шутить! Пойдемъ!“ „Иду! Но я буду провить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя могила“... И пошли въ домъ. Скворода не надолго въ немъ остался. Онъ пошелъ въ „кимнатку“, перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу и, положивши подъ голову свитки своихъ сочиненій и сѣрую „свитку“, легъ, сложивши накрестъ руки. Долго его ждали къ ужину, Скворода не явился. На другой день утромъ къ чаю тоже, къ обѣду тоже. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату, чтобъ разбудить его, но Скворода лежалъ уже холодный, окостенѣлый ¹⁾“. Ковалинскій прибавляетъ, что передъ кончиною онъ завѣщалъ похоронить себя на возвышенномъ мѣстѣ близъ рощи и написать слѣдующую эпитафію: „Миръ ловилъ меня, но не поймалъ“.

Эта эпитафія дѣйствительно выражаетъ *смыслъ его жизни*, и онъ имѣлъ полное право выразиться о себѣ такимъ образомъ, не по тщеславію или самомнѣнію, а по глубокому сознанію въ истинѣ пройденнаго имъ жизненнаго пути, которымъ онъ шель прямо, ни разу не свернувъ въ сторону. Къ нему какъ нельзя болѣе подходитъ стихъ Кобзаря Украйны: „мы просто йшли—

¹⁾ Утренняя звѣзда, 1833, стр. 89—91.

у насъ нема зерна неправды за собою“. „Міръ меня ловиль, но не поймалъ“. Это не значить, чтобы Г. С. Скворода считалъ себя какимъ-нибудь анахоретомъ, вполне отрѣшившимся отъ жизни и ея интересовъ. Онъ и не былъ, и не считалъ себя такимъ отшельникомъ, такимъ *мертвымъ* членомъ общества. Наоборотъ и въ ученіи, и въ жизни онъ стремился къ *живой* общественной дѣятельности, понимая ее очень широко, вводя сюда и умственный прогрессъ, и нравственное усовершенствованіе. Онъ только не хотѣлъ быть *рабомъ* міра, или иначе, рабомъ господствовавшихъ въ немъ мнѣній (съ его точки зрѣнія ложныхъ), закоренѣлыхъ и вредныхъ для общаго блага предрасудковъ. Онъ хотѣлъ неприкосновенно сохранить яркую *индивидуальность* своего ума и жизни, провести ихъ благополучно среди безчисленнаго множества подводныхъ камней и мелей, которыми преисполненъ былъ „міръ“, и ввести въ тихую гавань и пристанище внутренняго душевнаго нашего храма Божія. И это ему вполне удалось. Яркимъ пламенемъ горѣлъ этотъ свѣтильникъ истины и добра въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, окружающей его тьмы суетвѣрій, невѣжества, схоластики, лицемѣрія, ханжества. Приходилось ему держать нерѣдко фонарь для слѣпыхъ, быть звонаремъ для глухихъ; но это его не останавливало; его искреннее, откровенное слово раздавалось и въ послѣдніе годы жизни такъ же точно, какъ и въ началѣ его общественной дѣятельности; остались неизмѣнными даже вкусы и привычки, характеръ; онъ сохранилъ до конца дней своихъ простоту, добродушіе, любовь къ тихимъ назидательнымъ бесѣдамъ въ тѣсномъ пріятельскомъ кругу. Сюжетомъ этихъ бесѣдъ являлся все тотъ же основной вопросъ—господство духа надъ плотью. Уѣзжая отъ Ковалинскаго и обнимая его въ послѣдній разъ, собираясь переселиться въ новый міръ Вѣчности, онъ обратился къ нему съ слѣдующимъ послѣднимъ напоминаніемъ: „можетъ быть, больше я уже не увижу тебя! Прости! Помни всегда, во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни то, что мы часто говорили: свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время“ (1-е отд., стр. 38). И Ковалинскій оставилъ намъ краткую, но чрезвычайно мѣткую характеристику

своего учителя въ сочиненной имъ эпитафіи. Здѣсь каждое слово имѣетъ глубокой смыслъ и оправдывается всею совокупностью извѣстныхъ намъ документальныхъ данныхъ о Сковородѣ. Вотъ эта превосходная эпитафія, свидѣтельствующая не только объ огромномъ уваженіи, правильнѣе, благоговѣніи Ковалинскаго къ Сковородѣ, но и о необыкновенно тонкомъ пониманіи его личности и характера.

„Ревнитель истины, духовный богочтецъ,
И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ;
Любитель простоты и отъ суетъ свободы,
Безъ лести другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда,
Достигъ наверхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердецъ примѣръ Сковорода“.

„Ревнитель истины“.

Да, это былъ постоянный искатель и смѣлый поборникъ правды, всю жизнь свою ловившій птицу—истину, видѣвшій въ этомъ смыслѣ своей жизни и чистый родникъ неизсякаемыхъ радостей бытія; это былъ правдолюбецъ, какъ въ ученіи, такъ и въ жизни не допуславшій и не знавшій никогда никакихъ компромиссовъ съ житейскими требованіями и правилами узко понятой морали. „Духовный богочтецъ“... Можно ли было короче и вмѣстѣ съ тѣмъ точнѣе выразить другую не менѣе характерную черту міросозерцанія Сковороды—его внутреннюю духовную религію, столь тѣсно связанную съ истинно философскимъ стремленіемъ къ истинѣ? „И словомъ, и умомъ и жизнію мудрецъ“... Здѣсь ближайшимъ образомъ опредѣляется характеръ мудрости Сковороды и вмѣстѣ съ тѣмъ типичная особенность его какъ философа: слово у него не расходилась, а тѣсно сливалось съ мыслью, а жизнь вполнѣ соответствовала слову; онъ училъ такъ, какъ думалъ, и жилъ такъ, какъ училъ. „Любитель простоты и отъ суетъ свободы“... Болѣе всего онъ любилъ простоту въ жизни и ненавидилъ суету міра, который дѣлаетъ человѣка своимъ рабомъ; онъ стремился къ внутренней свободѣ и полной независимости духа, которая одна равно въ состояніи дать всякому человѣку счастье. „Безъ лести другъ прямой“... Да, это былъ дѣйствительно не льстивый истинный другъ, цѣнившій дружбу, какъ одно изъ самыхъ высокихъ благъ

жизни; онъ предъявлялъ къ ней очень большія требованія, но и самъ въ полной мѣрѣ имъ удовлетворялъ, дружба замѣняла ему бездомному страннику личныя привязанности—родныхъ, жену, дѣтей; неудивительно, поэтому, что въ нее онъ владычалъ всѣ силы своего горячаго, преданнаго, открытаго, бьющагося любовью къ человѣчеству сердца. Сердечно любя и уважая своихъ друзей, онъ не только никогда не льстилъ ихъ слабостямъ, а, наоборотъ, всегда отмѣчалъ таковыя и не скрывалъ передъ ними своихъ задушевныхъ убѣжденій, хотя бы они были имъ непріятны и могли вызвать временное или даже и полное охлажденіе; къ этому влекла его искренность и прямота его натуры, не выносившей никакой фальши и сдѣлокъ. „*Доволенъ есмьъ всегда*“... Это довольство собой было результатомъ душевнаго мира, идею котораго проповѣдывалъ Сковорода и который царилъ въ его собственномъ сердцѣ; онъ слилъ свою волю съ волей Божіей и вслѣдствіе этого достигъ оптимистическаго, жизнерадостнаго настроенія, которое сопровождало его до самой смерти, съ которымъ онъ ушелъ и въ могилу, побѣдивъ въ себѣ страхъ этого неизбежнаго конца, бывшаго въ его глазахъ только давно желанною гаванью и покоемъ. „*Достигъ наверхъ наукъ, познавши духъ природы*“... Сковорода не былъ только начекикомъ, какъ многіе изъ древне-русскихъ писателей; это былъ настоящій глубокомысленный ученый, достигшій научныхъ вершинъ, работавшій самостоятельно въ избранномъ имъ родѣ знаній и значительно подвинувшій рѣшеніе многихъ спеціальныхъ вопросовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ широко образованный человѣкъ, воспитавшій свой умъ на классической литературѣ и философіи; природныя способности въ соединеніи съ духомъ научной пытливости и съ общимъ образованіемъ, которое онъ старался повернуть изъ его западно-европейскаго первоисточника, помогли ему создать цѣльное, свободное отъ противорѣчій міросозерцаніе, которое онъ проводилъ всю свою жизнь. Его ученіе было посвящено высшимъ вопросамъ духа и касалось съ одной стороны человѣка, а съ другой природы, этого большаго міра, который, по его мнѣнію, состоялъ изъ безчисленнаго множества другихъ меньшихъ міровъ. „*Достойный для*

сердце примѣръ Сковорода“... Жизнь Сковороды, стоявшая въ полномъ соотвѣтствіи съ ученіемъ, посвященная исключительно *дѣятельной* любви къ Богу и ближнему, является высокимъ образцомъ, достойнымъ подражанія. Но особенно поучительна его общественная работа надъ своимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ; она дѣйствуетъ уже не на умъ, а на наше чувство; она не поражаетъ, не удивляетъ, а трогаетъ насъ, заставляетъ биться наше сердце горячимъ сочувствіемъ къ пылкому любвеобильному сердцу этого человѣка, котораго нѣкоторые, однако, называли мизантропомъ и пессимистомъ!

Д. Багалій.

